

Бушняк А.В.

«Хроники Нарнии» К.С. ЛЬЮИСА КАК АПЕЛЛЯЦИЯ К ГЛУБИНАМ ДУХОВНОГО

Клайв Стейплз Льюис написал более 60-ти книг, многие из которых позволили назвать его самым видным христианским мыслителем 20-го столетия [1, 11]. Как нехудожественную, так и художественную литературу К.С.Льюиса относят к традиции христианской апологетики (от греч. *apelege* – защищать; или апологет – ярый приверженец какой-либо идеи или направления [2, 233]). Как автор он интересен тем, что приобрел репутацию великого проповедника 20-го столетия, не имея священного сана, а будучи по профессии литературоведом.

Лишь немногие русскоязычные критики посвятили свои труды произведениям К.С.Льюиса. Поразительный контраст в этом отношении представляют другие страны, где создан целый ряд институтов, исследующих творческое наследие этого автора.

Книги К.С.Льюиса еще не приобрели такую широкую популярность в нашей стране, как в Англии и Соединенных Штатах, где он является одним из культовых авторов. Это вполне объяснимо тем, что в отечественной литературе многие произведения философско-религиозной направленности долгие годы просто не печатались.

Несмотря на то, что К.С. Льюис известен как теолог прежде всего благодаря критическим и философским эссе, романам с яркой теологической направленностью, именно серия сказок о волшебной стране Нарнии наиболее популярна на Западе и известна нашему читателю.

«Хроники Нарнии» привлекают русскоязычных переводчиков во многом благодаря идейно-содержательной стороне произведений поскольку христианская традиция сейчас переживает возрождение в нашей стране. В связи с этим кажется актуальным познакомить читателей с мировоззренческой позицией автора и определить особенности ее реализации в «Хрониках Нарнии».

К. С. Льюис в такой же мере «создатель вторичных миров» как и апологет. Возможно, поэтому широко известную трилогию Дж.Р.П. Толкиена «Властелин колец», также не лишенную теологического подтекста, часто сравнивают с «Хрониками Нарнии» Льюиса по рейтингу популярности, в котором они постоянно «соперничают». Журнал «School Library Journal» провел анонимный опрос читателей, определивший сто книг, которые задали тон двадцатого века. В первую двадцатку выбрали и одну из сказок Льюиса – «Лев, Колдунья и платяной шкаф» («The Lion, The Witch And The Wardrobe»)[3].

Хотя сюжет сказок (приключения школьников) необычен для воплощения богословского содержания Евангелия, фантастические истории не являются исключением в творчестве автора и предлагают оригинальное воплощение многих христианских истин. Знакомому с Библией читателю истории покажутся изобилующими узнаваемыми образами – библейскими аллюзиями, такими как сад Эдема, Распятие, Воскресение и другие. И действительно, «Хроники Нарнии» – это, как справедливо отметил литературный критик М.Бейн, – «Божественный план вселенной, начиная от ее создания и заканчивая апокалипсисом» [4]. Главный образ сказок-образ льва (воплотившийся в герое величественного льва Аслана) неоднократно встречается в Библии. Его не возможно не ассоциировать с образом Христа. Сам Льюис писал: «Имя я взял из «Тысячи и одной ночи». Так по-тюркски будет лев... Разумеется, я имел в виду Льва от колена Иудина» [5].

В первых двух сказках, «Племянник чародея» и «Лев, Колдунья и Платяной шкаф», Аслан представляется как вполне реальный герой-создатель и царь волшебной страны. Он вызывает страх у своих врагов и любовь, и преданность у друзей. Он делает королями и королевами двух мальчиков и двух девочек из нашего мира в стране Нарнии, изгоняет зло из своего королевства. Соглашаясь с литературным критиком М. Бейном, можно сказать, что в этих книгах Льюис рассказывает о первых радостных днях духовного опыта человека [4]. Однако, уже в следующей книге «Покоритель Зари или Плавание на край света» Льюис предлагает читателю более глубокие переживания веры. Аслан в этих сказках кажется отдаленным, он появляется и в образе ягненка, и в образе альбатроса. Усложняя поиски Аслана, Льюис тем самым обостряет духовные переживания героев. Здесь успех зависит только от их веры, неподкрепленной материальным присутствием.

Одной из примечательных особенностей литературы К.С. Льюиса является широкое использование метафоры в его художественных и нехудожественных произведениях. Анализируя сказки, интересно остановиться на метафоре «двери» как перехода в новый волшебный мир, которая встречается на протяжении всего повествования. Использование Льюисом метафоры «дверь» не всегда можно встретить «на поверхности» текста, а лишь заглянув в недвусмысленный философский подтекст сказок, где снова угадывается библейская аллюзия. В данном случае уместно упомянуть одно из самых известных высказываний из Откровения Иоанна Богослова: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, а он со мной» (3, с.20). В «Хрониках Нарнии» это и конкретные двери, ведущие в Нарнию, к Аслану, и сам Аслан как путь к новой духовной жизни. В сказке это могут быть или двери платяного шкафа, или картина или же магические кольца, но все они уведут детей из повседневной обыденности в новый мир, новую реальность. Важно то, что эти необыкновенные пути неизбежно ведут к Аслану, герою, который и делает их жизнь яркой, привносит в нее неожиданное. Он дарит детям как бы «дополнительную», новую жизнь и опыт.

Появление таких сказок в нашей стране (в переводе Н. Трауберг, Н.А.Островской и в оригинале) кажется как нельзя более актуальным именно в данное время, в период возрождения христианской традиции как культурного слоя нации.

Могу лишь отчасти согласиться с мнением критика Я. Кротова о том, что существует опасность того, что для наших детей «сказки Льюиса останутся мостом, ведущим в никуда», так как большинство родителей не способны объяснить ребенку «что сказочный льюисовский Лев – это Иисус, что это образ Царя и Льва от колен Израилевых» (поскольку в нашей стране христианская вера в течение многих лет была далеко не популярна) [6, с.235]. При создании сказок о Нарнии Льюис, прежде всего, хотел развлечь читателя и предложить ему заглянуть в мир христианских ценностей. Несмотря на то, что символизм Евангелия в сказках очевиден, Льюис видел своей задачей представить эти книги и той огромной аудитории читателей, которые еще не открыли в своей жизни христианскую веру. Он считал, что художественная книга – это наилучший способ открыть мир Евангелия для тех, кто его не знает, это путь в мир, который будет легче понять и принять.

Здесь можно вспомнить Питера Дж. Шейкла, профессора английского языка Хоуп Колледжа в Мичигане (Голландия), который считает, что нехристианский читатель, относясь к книге, как к художественному рассказу, в то же время может быть впечатлен увлекательными приключениями и оригинальными образами и не ощущать христианский символизм, как навязчивый или агрессивный [7, с. 38]. Хотя библейские аллюзии очевидны в сказках, взрослый читатель должен в первую очередь воспринимать книгу воображением, а уже после оценивать и анализировать. Историю о Нарнии нужно рассматривать не как рассказ-метафору, в котором объекты, события и герои в точности совпадают с теми, что существуют вне мира книги, а просто как историю. Детей не нужно просить объяснять какое значение имеют те или иные события или герои сказок, – получая удовольствие от образно-эмоционального контекста, они обязательно воспримут и его содержание.

«Хроники Нарнии» удивляют оригинальностью и красочностью образов, будто подтверждающих, что пространство льюисовских сказок действительно живет в одном из миров, в который существует дверь. Главный творческий источник, по мнению К.С.Льюиса, – это воображение, являющееся связью человека с Творцом. Именно такой полет воображения принес автору сказок живые оригинальные образы, воплощенные в них. Прообраз фавна с зонтиком в заснеженном лесу появился ещё в шестнадцатилетнем возрасте. Позже возникли другие, а основополагающим и связующим, явился герой льва Аслана, который не раз снился Льюису перед работой над сказками. «Ни одну историю я не «сочинил». Когда я пишу, я скорее наблюдаю за птицами, чем строю здание», – говорил К.С.Льюис. Автору не раз задавали вопрос о евангелийском содержании сказок на что он отвечал: «Вы ошибаетесь, когда думаете, будто все в книгах «представляет» что-нибудь в этом мире. Да, в «Пути паломника» [Д.Беньян] так, но я пишу иначе» [5]. В одном из писем читателям он заметил, что «прямая аллегория, как задача с ответом; великая книга – как цветок, чей аромат напоминает нам что-то еле уловимое. Думаю, это «что-то» и есть полнота жизни, которую мы переживаем» [8]. Льюис прокомментировал создание сказок так: «...Я вовсе не пытаюсь «представить» реальную (христианскую) историю в символах. Я скорее говорю: «Вообразите, что существует мир, подобный Нарнии, и что Сын Божий (или Великого Заморского Императора) приходит его искупить, как пришел искупить наш. Что бы получилось?» [8]. Автор утверждал, что первоначально его образы не были связаны с Христианством, это произошло, когда он уже «кипел в работе» [5].

Многие критики задавались вопросом, можно ли отражать Евангелие в таком жанре как сказка. Льюис заметил, что жанр сказки лучше всего подошел для того, что он хотел сказать. Возможно, истории о волшебстве и есть один из наилучших способов воссоздать евангелийский мир чудес. Как известно, чудеса не случаются просто так, а имеют свою первопричину, свой источник, поэтому и серия сказок о Нарнии освещена исходными, центральными мировоззренческими представлениями К.С.Льюиса.

Одно из важнейших понятий для духовного развития и творчества автора – это идея Радости. Перерастая барьеры рационализма и устремляясь к вере, Льюис всегда знал о глубочайших человеческих ощущениях, которые все существование переносят за пределы пространства и времени. Он определил эти переживания как Радость (Joy) или «неудовлетворенное стремление, которое само по себе более желанно, чем удовлетворение любого другого стремления» [9]. Понимание Радости, как воображения в его высочайшей и чистой степени описано Льюисом в его духовной автобиографии «Настигнут Радостью» («Surprised by Joy»). В ней он рассказывает о том, что он (и все другие люди) будучи отчужденным от Святого Источника, сохраняет ностальгию и желание соединиться с ним на протяжении всей жизни. В предисловии к книге «Регресс пилигрима» Льюис пишет: «Душа устроена так, чтобы испытывать наслаждение от того, что никогда не может быть полностью дано – мало того, нельзя и вообразить, что бы это было дано – в нашем настоящем субъективном, пространственно-временном существовании» [10, с.10]. Он видит Радость как мимолетные счастливые видения, которые Бог посылает отстраненному человечеству, что бы пробудить желание незнающих о Нем соединиться с Ним. Об этих мимолетных предчувствиях прекрасного могут узнать и читатели «Хроник Нарнии»:

«И тогда произошло нечто удивительное, очень странное и отчасти курьезное. Дети, естественно, ничего не слышали об Аслане, но стоило Бобру произнести это имя, их настроение сразу изменилось. Наверно, нечто подобное бывает лишь во сне. Вам снится как кто-то произносит совершенно непонятные слова, но вы каким-то образом чувствуете, что в них заключен огромный смысл. Если сон страшный, то именно после таких слов он превращается в кошмар. Но бывает и так, что вы чувствуете – значение их невыразимо прекрасно, и тогда сон становится таким чудесным, что вы запоминаете его на всю жизнь и всю жизнь будете мечтать еще раз увидеть этот сон. Нечто подобное произошло и сейчас. Имя Аслана вызвало у детей сильнейшее душевное потрясение... Питер ощутил внезапный прилив отваги и жажду приключений. Сюзен почудилось, что все вокруг наполнил восхитительно-изысканный аромат и зазвучала сладостная музыка неведомых струнных инструментов, которая подхватила ее и, нежно укачивая, повлекла куда-то. А Люси испытала то, что испытываем мы, проснувшись ясным солнечным утром и сразу вспомнив, что начались

каникулы и впереди целое лето...»[11, с. 359].

Вся серия книг представляет собой чередование радостных, вдохновенных эпизодов праздников, песен, встреч с друзьями и приключений, духовных испытаний морального выбора, которое ведет к одному самому радостному и главному событию, которому полностью посвящена заключительная глава последней из серии сказок " Последняя битва" – приглашению Асланом героев «дальше вверх и дальше вглубь» на встречу приключениям, которые слишком потрясающие, чтобы их описать.

Нельзя не согласиться с М. Бейном, что К.С. Льюис в последней главе создает ощущение предвкушения того, что собой представляют небеса [4]. Самым ярким воплощением героя следующего своему сердцу и ищущего Небеса, в «Хрониках Нарнии» стал мышь Рипичип из сказки «Покоритель Зари или Плавание на край света», который готов вплавь достичь конца моря для того, чтобы найти страну Аслана. Об этом персонаже сам автор писал: «Любой, кто в нашем мире посвятит всю свою жизнь поиску небес, станет как Рипичип»[12, с. 45]. Можно утверждать, что интригующее завершение историй, открывающее перспективу детскому воображению, Льюису удалось. Многие дети просили автора написать продолжение, однако он отвечал примерно так, как ответил Сидни – побуждая их воспользоваться своей фантазией:

«... Боюсь, я сказал о Нарнии все, что хотел, и продолжения не будет. Почему бы тебе не сочинить его самому? Я начал писать, когда был младше тебя, и уверен, стоит только попробовать, и у тебя пойдет. Дерзай!» [8].

В статье «Три способа писать для детей» Льюис соглашается с Толкиеном: «прелесть сказки заключается в том, что в ней человек полнее всего реализует себя как создатель. Он не «комментирует жизнь»... он творит, в меру возможностей, «вторичный мир». По определению Юнга сказка высвобождает архетипы, которые хранятся в коллективном бессознательном, и, когда мы читаем хорошую сказку, мы следуем принципу «познай себя», что по мнению К.С. Льюиса является одной из самых важных её функций.

Льюис был предельно внимателен к своей аудитории и заботился о том, что бы слова достигли как ума, так и сердца. О Льюисе Я. Кротов пишет: «Он почтителен, развлекателен, осторожен – ибо в каждом читателе видит человека – императора, жаждущего и могущего вновь казнить Того, в Ком более всего нуждается человек-грешник» [6, с.234]. К.С. Льюис подчеркивал необходимость знать язык публики: «... позвольте мне в первую очередь сказать, что не нужно акцентировать на том, что человек понимает или не понимает. Опыт покажет... Вы должны каждое слово вашего Богословия преобразовать, сделать его понятным в родном, близком людям языке. Это очень сложно, но необходимо» [12].

В связи с этим можно сказать, что «Хроники Нарнии» написаны на «языке детей». Еще в детстве Льюис придумал свою Страну Животных, в которой со временем появились даже история, мифы и легенды. Не случайно и Нарнию он населил говорящими животными, с которыми повсеместно контактируют главные герои – дети. Принимая во внимание библейский сюжет, воплощенный в сказках, автор сделал безошибочный выбор с точки зрения психологии детей – ведь в юном возрасте намного интересней читать о мифологических существах и животных, легче им сочувствовать, чем историческим событиям, происшедшим очень давно, а участие юных героев в сказках позволяет вызвать большее сопереживание событиям именно у читателей детской аудитории. Льюис был знатоком и любил древнюю мифологию, поэтому населил сказки множеством героев, придающих заманчивость и очарование сказкам – гигантами и гномами из северных мифов, фавнами, сатирами, кентаврами, дриадами, наядами, нимфами и другими. Сам автор «Хроник Нарнии» отмечал, что сказочные существа, не похожие на людей, но ведущие себя почти как люди – это прекрасный символ, который позволяет описать человеческую психологию и типы характеров гораздо короче и доступней, чем в романах [5]. К.С. Льюис населил свою страну животными для того, чтобы оттенки человеческого характера, воплощенные в этих персонажах, были понятнее детям, поучительны и развлекательны. Используя образы животного мира и мифологических существ автор смог передать сложные философские и морально-этические понятия в доступном к пониманию и увлекательном контексте для детей.

К.С.Льюиса интересовало, в чем причина того, что часто достаточно сложно испытывать к Богу или страданиям Христа те чувства, которые, по словам других, следует испытывать. По его мнению, проблема заключается в том, что обычно говорят об обязанности и это убивает чувства. Тогда автор подумал: «что если все это перенести в волшебную страну, где нет ни витражей, ни воскресных школ, может тогда ребенок впервые увидит веру во всей ее мощи – и устоит?» И он поверил в это[8].

Таким образом, можно выделить следующие особенности воплощения христианской мировоззренческой позиции К.С. Льюиса в «Хрониках Нарнии»:

- вплетение в сюжетную линию сказок библейских мотивов и аллюзий;
- выбор автором жанра сказки, что позволило задействовать творческий потенциал воображения читателей для обращения к духовным архетипным глубинам сознания;
- широкое использование мифологической символики различных культур.

«Хроники Нарнии» представляется уникальной книгой, поскольку автору удалось отразить в сказках множество сложных философских понятий, обращаясь, прежде всего к глубинам духовного устройства человека. Воплощая мотивы библейских событий, автор обращается к основным идеям Христианства о прощении, раскаянии; поднимает ряд морально-этических вопросов, таких как верность и предательство, соблазн и целомудрие, индивидуализация человека и следование общим нравственным законам и другие. В данной статье была упомянута лишь часть неограниченного числа идей и методов их реализации в историях о Нарнии. Исключительность вещи, как известно, подтверждает огромное количество разноречивых отзывов и интерпретаций, непрекращающихся споров, что можно отнести и к данной книге. На фоне трагических событий современного мира, пессимистических тенденций в литературе, кинематографе идеи радости

и гуманизма, которые проповедует автор сказок, ценные и очень важные, помогают раскрыть духовный потенциал человека. Чтение именно таких книг в детстве может воспитать новое поколение, которое поможет формированию гармоничного общества. Говоря о духовном значении "Хроник Нарнии", нужно согласиться с отзывом М.Бейна о том, что в "Хрониках Нарнии" К.С. Льюис смог описать собственную любовь к Богу, не проповедуя [4].

Источники и литература

1. W.Martindale, J.Root. The Qutable Lewis. –Tyndale House Publishers, Inc. Wheaton, Illinois. – 651 p.
2. Советский Энциклопедический Словарь под ред .А.М. Прохорова, 2–е издание – М: «Советская Энциклопедия», 1983.
3. Magazine: School Library Journal, Jan 01.01.2000, Vol46, Issue1.– P.121.
4. M.Bane. Myth Made Truth: the Origins of the Chronicles of Narnia – C.S.Lewis: 20–th Century Christian Knight /http:// ic. Net/ Erasmus/RAZ26.HTM
5. К.С.Льюис. Три способа писать для детей – [http/ kulichki.com./](http://kulichki.com/)
6. Я.Кротов «Джентльмен в царстве Божьем»// Дружба Народов. – 1992. – №2. – С.233–235.
7. Shakel, Peter J. Reading with the Heart: The Way Into Narnia. – Michigan: William B. Erdmans Publishing Company, 1970. – 57 p
8. C.S.Lewis. Letters to Children. – kulichki.com./ [http/](http://)
9. C.S.Lewis. Surprised by Joy: The Sape of My Early Life. – N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1986.– 351p.
10. C.S.Lewis The Pilgrim’s Regrres.– Grand Rapids, Minch.: Eradmans,1958.– 437 p.
11. Клайв С. Льюис. Хроники Нарнии. Часть2. Принц Каспиан. «Покоритель зари» или плавание на край света.Серебрянное Кресло. Последняя битва. – М.: Гендальф– Мет, 1992.– С.723
12. D.Brown. The Lewis Apologetic – C.S.Lewis: 20–th Century Christian Knight – <http:// ic. Net/ Erasmus/ RAZ26. HTM>

Деркач Т.В.

МЕТАФОРИЧНІ АТРИБУТИВНІ КОМПОНЕНТИ МОВИ СУЧАСНИХ ЛІТЕРАТУРНО–КРИТИЧНИХ ТЕКСТІВ

Актуальність статті. У сучасній мові більшість прикметників – багатозначні слова. При поєднанні з іменником значення прикметника конкретизується. Найменування ознаки як того факту, що увиразнює предмет, викликає про цей предмет більш яскраве уявлення, приводить до того, що прикметник, крім номінативної, виконує ще й виражальну функцію. Через те у контексті прикметник стає засобом барвистості викладу, багатства характеристик та оцінок [13, с. 110]. Більшості функціональних стилів української мови притаманний високий ступінь метафоричності. Це стосується і наукового, і публіцистичного стилів, які тяжіють до використання „розгорнутих багаточленних комбінованих метафоричних структур, у яких поєднуються атрибутивні й субстантивні; субстантивні і дієслівні; атрибутивні, субстантивні й дієслівні“ [14, с. 334] компоненти. Дана категорія лексичних одиниць постійно поповнюється як за рахунок традиційно усталених загальнономовних штампів переносного типу, так і за рахунок авторських новоутворень. Тому аналіз, характеристика даних мовних одиниць, особливо у літературно–критичній галузі, потребує з’ясування природи їх утворення, детального дослідження, узагальнення, систематизації, встановлення закономірностей вживання та функціонування.

Завдання статті. З-поміж атрибутивних метафор, зафіксованих у сучасних літературознавчих працях, виокремити смислові групи термінологічних літературознавчих прикметникових сполучень метафоричного типу і подати їх характеристику з точки зору утворення, типів перенесення значень, граматичної сполучваності у складі метафоричного атрибутивного терміна та проілюструвати їхнє функціонування у сучасних літературно–критичних текстах.

У сучасних літературознавчих текстах автори широко використовують експресивно-оцінні, інтенсифікаційні функції якісної вказівки на сутності за допомогою прикметникової метафори. О. М. Вольф зауважувала, що можливість виникнення оцінного смислу при метафоризації пов’язана власне із природою метафори [7, с. 53]. Відомо, що у створенні метафори беруть участь чотири компоненти – це два об’єкти, основний та допоміжний, співвідносні один з іншим, та властивості кожного з них [5]. Метафори створюються шляхом предикації основному суб’єкту ознак допоміжного суб’єкта [2, с. 171]. Якщо немає об’єктів або ознак, то метафоричне перенесення не відбувається. Тому начебто, переконана О. М. Вольф, слова загальної оцінки (*гарний / поганий*), у тому числі й афективні (*прекрасний, чудовий, надзвичайний, негідний* і т. ін.), не можуть мати метафоричного смислу, оскільки вони не позначають дескриптивні ознаки об’єктів, а виражають лише суб’єкта оцінки до її об’єкта [7, с. 53]. Насправді прикметники загальної оцінки у складі інших метафор (приєднані до них) набувають функцій інтенсифікатора ознаки, зберігаючи свій оцінний смисл. А прикметники, що містять дескриптивні семи (індивідуальна характеристика), набувають метафоричного значення внаслідок перенесення ознаки з об’єкта фізичного світу на інші об’єкти.

Зв’язок дескриптивних смислів прикметників з оцінкою об’єктів визначає „нормативна картина світу певного соціуму“ [7, с. 54].

Як зауважив В. М. Русанівський, „мовна семантика має об’єктивний характер, оскільки вона є результатом пізнання об’єктивної дійсності. Проте особливість природної мови є те, що в ній відображено суб’єктивний досвід кожного індивіда і людства в цілому в об’єктивному сприйнятті тих чи інших предметів, явищ, а також їх семантичних і динамічних ознак. Процес комунікації обов’язково включає в себе о ц і